

АЛЕКСЕЙ МАЛИНОВСКИЙ

ЦИКЛ

18+

Алексей Малиновский

Цикл

«Автор»

2026

Малиновский А.

Цикл / А. Малиновский — «Автор», 2026

Что бы ты сделал, если бы каждый прожитый день не значил ничего? Артём не знал ответа на этот вопрос. До того рокового дня: обычный вторник, обычный урок — а потом ОМОН в коридоре, ствол у виска и заброшенная каморка, где не работают законы физики. Наутро всё началось заново. Тот же вторник, те же люди, те же события. Единственный, кто хоть что-то понимает, — Крот, парень из параллельного, застрявший здесь так давно, что забыл не только счёт дням, но и собственное имя. Вместе они выясняют правила игры: смерть не считается, время обнуляется, а выход, кажется, существует.

© Малиновский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алексей Малиновский

Цикл

Глава 1

Артём всё чаще замечал, что еда в столовой с каждым годом становится всё более безвкусной. Пюрешка теряла свою сливочную составляющую, котлеты становились всё более резиновыми, а чай по вкусу напоминал заваренные носки, которые не снимали с ноги добрую неделю. Он шёл по коридору первого этажа, возвращаясь в класс с большой перемены, отведённой в школе на обед. Повсюду, словно потревоженные летучие мыши, носились стаи младшеклассников, так и норовя врезаться в тебя на полной скорости. Заправившись калориями в столовой, обезумевшая толпа детей визжала, исторгая режущую слух какофонию, а их ноги, казалось, существовали своей жизнью, пребывая в постоянном движении. Порой это приводило к печальным последствиям, и по школе разносились слухи об очередном шалопаете, врезавшемся в дверь и сломавшем руку, или же о сорванце, не успевшем затормозить и протаранившем головой батарею. Очевидно, что бегать в доме знаний было запрещено, и любой, кто рискнул посягнуть на это правило, приравнивался к террористу, но будем честны: ты же не будешь просто стоять и смотреть, как твои одноклассники весело проводят время. К тому же, если кто-то и попадётся на глаза учителя, то накажут всех причастных. Стадный инстинкт во всей своей красе...

В следующий миг царившая в холле атмосфера детства и беззаботности резко изменилась.

За доли секунды все беснующиеся дети синхронно замолкли. На холл обрушилась небывалая для такого места тишина. Это было похоже на секунды перед падением гигантского метеорита, на доли мгновений перед крушением башен-близнецов, на тот миг, когда реальность застыла за мгновение до точки, когда мир поменяется навсегда. Артём и ещё несколько ребят постарше остановились, не зная точно, но понимая, что дальше будет что-то страшное.

Тотчас кто-то из детей закричал, и из-за прохода в соседнее крыло вынырнули они — чёрные, безликие, в шлемах, с короткими автоматами, прижатыми к плечу. Их было пять или шесть. У обьятого шоком Артёма так и не получилось сосчитать растекающиеся по коридору чёрные силуэты.

— Все на пол! Прижмитесь к стенам! — крикнул омоновец из-под затонированного забрала чёрного шлема. Голос его был металлическим, ровным. Таким, каким он бывает, когда слова становятся инструментом, а не речью. Такие возгласы Артём слышал только через экран. Они существовали там, за стеклом, в новостях, в чужих историях. Здесь, между расписанием на стенде и облезлым гербом над входом, этот голос был лишним. Реальность не знала, куда его деть, — и просто оставила висеть в воздухе, между потолком и линолеумом, между вторником и тем, чем вторник перестал быть секунду назад.

Все дети послушно попадали на пол. Кто-то прижался к стене, а кто-то в приступе неопикуемой паники побежал прочь в противоположную сторону.

— На пол! — повторил тот же спецназовец, уже обращаясь напрямую к Артёму. — Руки! Покажи руки!

Артём не двигался. Голос требовал от него действия, но между командой и телом было что-то — не страх, не ступор, а что-то без названия, вязкое, как янтарь, который ещё не застыл. Он стоял в нём и чувствовал, как оно густеет с каждой секундой.

Позже он будет думать: вот в чём фокус ужаса. Не в том, что он большой. А в том, что он не отменяет всего остального. Голова продолжала думать свои мысли — мелкие, бытовые,

совершенно неуместные. Надо поздравить маму с днём рождения. Завтра сдавать реферат. В куртке дырка на кармане. Ужас не выключает фон. Он просто становится частью его — и фон от этого делается каким-то диким, неправильным, как музыка, которую поставили не к той сцене.

— Парень! — дуло силовика качнулось. — К стене!

И тут что-то щёлкнуло. Не в голове — глубже, на том уровне, где живут инстинкты и здравый смысл. Артём наконец понял — с опозданием на несколько секунд, как всегда понимают очевидное, когда голова занята другим, — что стоит прямо между силовиками и причиной, по которой они здесь.

Он начал отступать к стене. Медленно, осторожно, как двигаются в воде — тёмной, незнакомой, когда не знаешь, что попадёт под ногу при следующем шаге. Руки сами поднялись вверх — не потому что ему сказали, просто тело наконец включилось и начало делать всё возможное, чтобы пребывающий в оцепенении хозяйский мозг не оказался простреленным.

Внезапно направленные на Артёма автоматы качнулись в сторону, сместив прицел.

— ВОТ ОН! — заорал металлический голос. — СТОЯТЬ! НА КОЛЕНИ! РУКИ ЗА ГОЛОВУ, НЕМЕДЛЕННО!

Артём не успел ничего — ни додумать, ни отреагировать, ни даже увидеть лицо. Чужие пальцы вцепились в воротник рубашки сзади, притянули напуганного школьника к себе, и Артём вдруг почувствовал, как в его висок впечатался холодный металл. Парень не мог этого видеть, но он сразу понял, что к его голове приставили несущее смерть дуло пистолета. Всё это действие, за которое он из неудобного препятствия превратился в живой щит, заняло меньше секунды. Янтарь, в котором он до этого пребывал, тотчас растаял — и реальность незамедлительно навалилась на него всей своей пугающей мощью.

— Не стреляйте! — воскликнул голос у самого уха.

Громко, отрывисто, без страха — так кричит человек, который не боится, а ставит точку. Человек, который прожил такое, после чего ему уже нечего терять.

Казалось бы — узнать в такой суматохе голос человека, с которым общался за десять лет от силы пару раз, невозможно. Но у Артёма это получилось.

Имя доходило с задержкой — услышанный голос несколько секунд тянул из омута памяти редко доставаемый оттуда образ. Пацан из параллельного. Он не знал его имени, но помнил кличку — Крот. Человек-фон, человек-силуэт, один из тех, о ком вспоминаешь только когда он попадает тебе на глаза. Артём понятия не имел, за что тому досталась такая кличка. Такие прозвища имеют обыкновение рождаться из глупых поступков или из-за особенностей внешности — и остаются навсегда, как нестираемое пятно на последней парте.

— Стоять! — крик резанул по коридору. — Отпусти заложника!

— Заткнись нахер или я убью его! — обозначил свою позицию Крот, а затем прошептал на ухо Артёму: — Давай шевелись. Только смотри не дури. Можешь мне поверить, я грохну тебя и глазом не моргну.

И вот тогда осознание происходящего дошло до конца — не постепенно, а разом, как вода прорывает плотину.

Пистолет.

Откуда у него пистолет? У Крота. У школьника, который должен каждый день приходить домой, делать уроки, играть в компьютер, есть макаронки с котлеткой, а потом ложиться спать. И откуда у него столько духу так грубо общаться с силовиками, держащими его на прицеле? А затем в голове проскочила мысль, от которой внутри всё обвалилось куда-то вниз: а что если это оно. То самое. То, что показывают в новостях из-за океана, то, о чём говорят шёпотом после очередного заголовка, то, что всегда случается где-то там, с кем-то другим, в чужой стране, в чужой школе. Парень с оружием. Тихий, незаметный, из тех, кого не помнят по имени. Из тех, о ком потом скажут — он всегда держался особняком, мы и подумать не могли.

Вот оно. Прямо здесь. В его школе, в обычный вторник, и он — Артём — оказался в самом центре, живым щитом в руках того, кто, быть может, планировал это не один год.

Ткань воротника натянулась — вооружённый одноклассник потянул его вслед за собой. Повинуясь чему-то древнему, что живёт в каждом человеке и знает, что слетевшего с катушек маргинала, угрожающего тебе пистолетом, лучше не злить, тело Артёма безвольной куклой потащило вслед за Кротом.

— Брось заложника, парень, тебе это не нужно! — силовики продолжали увещевать парня с пистолетом, шагнув вслед за ними, но сосед по параллели даже не обратил на них внимания. Вместо этого Артём вновь услышал затекающие в его ухо слова:

— Просто иди. И я тебя не трону. Другого способа я не придумал.

И они продолжили пятиться. Крот вёл его, как ведут заложника в фильмах, прикрываясь им, и Артём послушно переставлял ноги, чувствуя, как по спине течёт пот. В таком темпе они дошли до поворота — и как только угол скрыл их от силовиков, Крот резко толкнул его вперёд.

— Скажи мне одно слово, и я тебя отпущу прямо сейчас, — бегло заговорил он. — Ты не скажешь им, куда я сейчас побегу?

Вооружённый одноклассник смотрел на Артёма не так, как должен шестнадцатилетний школьник. Нет, это были глаза человека, знающего гораздо больше своих лет.

— Вот именно, — сказал Крот после секундного промедления, не получив удовлетворившего бы его ответа. — Я могу тебя убить, и в моей реальности ничего не поменяется, а ты будешь лежать и кормить червей в этой. Хочешь выжить? Кабанчиком беги к той двери! Видишь?

Артём обернулся туда, куда показывал дулом пистолета одноклассник. Жёлтая обшарпанная дверь. Кажется, до ремонта там была каморка уборщицы.

За поворотом послышались вкрадчивые шаги, голос в рацию: «Восточное крыло, тупик, он там, взял заложника».

— Быстрее! — взревел Крот, для убедительности вновь направив ствол на заложника.

И Артём побежал. Ноги несли его сами — голова никак не хотела адаптироваться к новым обстоятельствам. Где-то на периферии сознания мелькало: нужно кричать, необходимо потянуть время, надо что-нибудь сделать. А поверх этой мешанины вырисовывалось другое — три слова, которые Крот бросил на ходу и которые с каждой секундой всё сильнее проступали на подкорке мозга: в моей реальности. Не в нашей. Не просто в реальности. В своей — отдельной, личной, как будто у него была другая, параллельная, и он в ней жил, пока все остальные жили в этой.

Может, он обкуренный? — осенило парня, пока он бежал до двери, слушая топот Крота, несущегося за ним следом. Это многое бы объяснило.

Восточное крыло закрыли на ремонт ещё осенью. Артём был здесь, наверное, последний раз в седьмом классе. Забитые фанерой окна без стеклопакетов, пропускающие через щели крупницы света, разлиновывающие коридор на косые полосы. Воздух был холодный и стоячий, пах извёсткой, а ещё чем-то мокрым и старым, как пахнет обычно в затопленных подвалах или же в древних склепах. Добежав до деревянной створки, испещрённой лепестками облупившейся краски, Артём услышал сзади, как Крот сквозь перехваченное быстрым бегом дыхание бросил:

— Открывай!

Артём дёрнул дверь на себя. Та, раздражённая незванными гостями и отсутствием должного ухода за петлями, недовольно заскрежетала. И сразу — резкий толчок в спину. Крот явно торопился что-то сделать, будто здесь его ждала волшебная электричка, способная увезти далеко-далеко от государственной машины правосудия.

Каморка уборщицы. Тесная, метра три на четыре, с одним заколоченным окном под потолком, через которое не шло почти ничего — только грязный серый отсвет, едва обознача-

чающий контуры. Вёдра, сваленные у стены. Облезлые швабры — пять, может, шесть, прислонённые к косяку без всякого порядка. Старый деревянный стеллаж вдоль правой стены, на полках — бутылки с засохшими этикетками, какие-то тряпки, ржавая жестянка из-под кофе. Пахло сыростью, хлоркой и тем особым запахом запустения, который появляется в местах, где давно никого не было.

Когда Крот захлопывал за собой дверь, силовики, увидевшие, что заложника нет на линии огня, принялись стрелять на поражение — несколько пуль попало в створку, высвободив в воздух рой деревянных щепок.

Артём упал инстинктивно — даже не упал, его тело само сложилось вниз, к полу, прикрывая голову руками. Гулкий, плотный звук автоматных очередей ударил по ушам так, что парень не слышал ничего, кроме противного белого шума.

Крот, напротив, не стал прижиматься к полу. Встал у двери, прижавшись к бетонной стене сбоку — там, где пули не могли его достать, — и мельком окинул взглядом каморку.

— Туда, — Крот ткнул пистолетом в дальний угол. — Живо!

Артём посмотрел и не понял. Дальний угол ничем не отличался от любого другого: стена, пол, потолок — обычное пересечение трёх плоскостей, геометрия на уровне пятого класса. Разве что метра полтора над полом темнело пятно сырости, расплзшееся по штукатурке бесформенным контуром. От глаз не укрылась и разметка непонятного назначения. Кто-то обвёл участок стены мелом — неровный овал, охвативший пятно сырости и уходящий чуть дальше, словно очерчивая невидимую границу. Меловая линия была едва заметна, но всё же угадывалась — тонкий, потускневший росчерк на сером, так глубоко въевшийся в штукатурку за годы, что казалось, его не отскоблить и не отмыть.

— Что? — залепетал Артём. — Зачем?

— Заткнись и делай что говорят!

Артём подбежал. Постоял секунду, не понимая, что от него хотят.

— Шагай, — сказал Крот сзади.

— Куда — тут стена!

— И без тебя вижу! Просто шагни!

Обуянный страхом и замешательством парень обернулся. Крот стоял в трёх шагах за ним, и в глазах у него было то же самое, что Артём заметил мельком в коридоре и что не успел тогда понять: не угроза, не безумие. Усталое, абсолютно спокойное знание чего-то. Так мог смотреть внезапно обрётший разум искусственный интеллект на глупую, запертую в клетке собственной тупости обезьяну.

Снаружи в дверь ударили. Раз, два — деревянная створка хрустнула, по ней прошла трещина от верха до низа.

— Ты псих, нет, ты наркоман, — не сдержался Артём.

В этот момент в его бок впечаталась подошва кроссовка. Крот бесцеремонно пихнул его ногой в стену, но, к удивлению Артёма, жёсткого столкновения с бетоном не последовало.

Стена пропустила его — без сопротивления, без звука, без ничего. Парень ощущал разливающийся по телу холод и сильное покалывание, волнами блуждающее от макушки до самых кончиков пальцев. А затем школьник стал терять связь с реальностью. Пространство принялось медленно растягиваться, видоизменяться и расплываться в красочные фракталы. В какой-то момент Артём забыл, кто он такой и с какой целью здесь находится, а в конце зрительная какофония схлопнулась, и он резко открыл глаза.

— Артём! Подъём, опоздаешь!

Тёплый, обволакивающий негой голос матери доносился с кухни, привычный и родной, как само утро. Запах гренков — сливочное масло, чуть подгоревший хлеб — щекотал ноздри, дразня аппетит. И всё же что-то было не так. В воздухе повис немой вопрос — что это всё было? На какую-то долю секунды Артём потерял ориентацию, не понимая, где он: то ли здесь,

в тёплой постели, то ли там, в холодном школьном коридоре, где к виску прижималось смертоносное дуло пистолета

Глава 2

Он лежал на крыше, закинув руки за голову, и смотрел в небо. Майское, ровное, белёсое. Ни облака, ни птицы. Солнце в это время года уже начинало припекать, но лучи его не жгли, а ласкали — мягко, без спроса, как это умеет делать только май, пока ещё не вошёл в свою полную силу.

Сюда почти никто не забирался. Пожарная лестница с торца была старая, ржавая, с одной выломанной перекладиной посередине — одна из тех лестниц, что отпугивают детей лучше любого сторожа. Подросток точно знал, какую перекладину можно нагрузить, а какая сломается, стоит на неё ступить. Тело помнило само. Тело вообще помнило больше, чем он. Иногда ему казалось, что от него только тело и осталось — набор привычек и рефлексов, а всё прочее, то, что обычно зовут человеком, спряталось где-то и в ужасе ждёт, когда всё это прекратится.

Сколько ему лет?

Дурацкий вопрос. Любой ребёнок его возраста выпалил бы не задумываясь и побежал дальше по своим пацанским делам. А он не мог. Цифра мелькала где-то — лежала в кармане памяти, как смятый чек, который съёшь не глядя и потом не находишь. Семнадцать, наверное. Но это «наверное» и было самым страшным.

Семнадцать — если считать как все. По дням рождения, по свечкам, по количеству открыток, которые копятяся в последнем ящичке письменного стола.

А если считать иначе? По тому, сколько раз он лежал вот так и смотрел в это самое небо?

Тогда выходило другое. Огромное. Такое, которое пытаешься мысленно измерить, и у тебя не получается. Он бросил считать давно — от подсчётов начинало сосать под ложечкой, как сосёт, когда смотришь с большой высоты вниз.

Небо не двигалось. Стояло, будто нарисованное профессиональным художником, лишь для него одного.

Он полежал ещё. Потом сел, отряхнул со спины крошки рубероида и полез вниз.

В коридоре первого этажа кипела жизнь, какой она была в представлении людей, попадающих ему на пути. Беснующаяся мелюзга, идущие в свои кабинеты старшеклассники, ругающиеся учителя. Обычная школьная перемена, к хаосу которой быстро привыкаешь.

Если ты не видел этого сотни раз.

Тогда обстановка становится иллюзорной, посредственной. Всё вокруг казалось декорациями, расставленными в театре, где единственным актёром был он сам.

Быстрым шагом парень преодолел холл — как объезжающий препятствия олимпийский лыжник, не задев ни одного флажка. Задача не трудная, когда знаешь наперёд движение каждого участника сей незатейливой постановки. Вон те двое младшеклассников сейчас столкнутся лбами, упадут и зарыдают в два голоса — нужно взять левее, а иначе один из шалопаев влетит в тебя. Вон тот в наушниках сейчас выронит телефон — движение вправо, и гаджет падает в сантиметре от твоей ступни. Потом растяпа выругается и, быстро наклонившись, вернёт утрату себе.

Однако на площадке между этажами он намеренно замедлит шаг. Не сильно — ровно настолько, чтобы выцепить из толпы ту самую, а затем вновь продолжить движение.

Она стояла у перил, прислонившись плечом к стене.

Трепалась с подругой — про химию, про то, что не успела повторить домашку, что Семёнова, гадюка, вызовет именно её. Пальцы нещадно теребили левый рукав свитера. Была у неё такая привычка — дёргать одежду, когда сильно нервничала.

Сейчас засмеётся.

Смех у неё был особенный, в два приёма: сперва смеялись глаза, а уж потом, через секунду — спохватившись, будто опоздав на свой же поезд, — подключался голос.

Глаза. Голос.

Он прошёл совсем рядом. Рукой можно было дотянуться. Она не повернулась. Не зацепила его даже краем взгляда. Для неё его не было — дырка в воздухе, мимо которой смотрят не замечая.

А он знал про неё всё. Знал, что грызёт колпачки ручек и прячет их в пенал, чтоб не видели. Что собак боится до дрожи, но виду не подаёт — завидев пса, делает вид, будто вспомнила что-то важное, и обходит по такой широкой дуге, что хоть циркулем рисуй. Знал, какая музыка у неё сейчас в наушниках — та, которая повергла бы в шок заядлого металлиста, не оценившего чересчур экстремальный мотив. А также что почерк мелкий, с торопливым наклоном вправо, и что последние буквы в словах она не дописывает, рассыпая по страницам тетради жутких чернильных мутантов.

А она про него — ничего. И никогда не узнает. Так здесь было устроено.

Он спустился ещё на этаж, свернул туда, где детский гомон редел и иссякал, нырнул в восточное крыло, закрытое на ремонт ещё в прошлом году, но не продвинувшееся в этом деле ни на кирпичик. Прошёл коридором до конца — туда, где света было всего ничего, и в косых пыльных полосах плавала, не оседая, мелкая взвесь, какая бывает только в местах, откуда ушли люди.

В тупике стояла жёлтая дверь.

Он остановился в трёх шагах. И встал напротив, замерев от неожиданности.

Дверь была заколочена. Несколько массивных досок поперёк крепкого косяка. Блестящие шляпки свежезабитых гвоздей сильно резонировали на фоне старого, порыжевшего от времени дерева.

Он подошёл вплотную. На косяке с обеих сторон отчётливо виднелись старые отметины от гвоздей. Дверь явно пользовалась популярностью.

В кармане завибрировал телефон. Он прекрасно знал, что там будет написано, поэтому достал трубку скорее рефлекторно, чем из любопытства.

Сообщение от матери.

«Артём, котлеты в холодильнике, разогрей сам, я до восьми задержусь».

Выдавив горькую улыбку, он повернулся и пошёл обратно в класс.

Глава 3

— Артём! Подъём, опоздаешь!

Он открыл глаза и не понял, где находится.

То есть понял, конечно, — его тело продавливало знакомые вмятины на кровати, его мечущийся по комнате взгляд вылавливал из обстановки знакомые элементы интерьера, а из кухни доносился привычный мамин голос.

Неужели это был сон?

Да конечно, так бы всё и объяснялось в каком-нибудь очередном сериале от нетфликс или фильме с Лиамом Ниссенем. Но Артём не мог в это поверить. Произошедшее с ним и сны в привычном его понимании были так же схожи, как бритоголовый вышибала из ночного клуба и старичок профессор в очках. Оба весь день на работе, общаются с людьми, но насколько же разная у них природа.

И всё же он был дома. К его башке не был приставлен пистолет. А Крот из параллельного не стоял в углу, прячась в комнате Артёма от полиции.

Парень сел. Сердце колотилось как сумасшедшее — гулко, неровно, отдаваясь куда-то в горло. Промокшая насквозь футболка прилипла к спине. Руки чуть подрагивали — не сильно, но заметно, как дрожат перед тяжёлой контрольной или же после хорошего испуга.

Сон, подумал он. Просто сон. Дурной, муторный, из тех, после которых полдня ходишь как в тумане, а к обеду уже не можешь вспомнить, чего там было такого жуткого.

Только этот почему-то не забывался. Не исчезал по утру в кулуарах памяти, как делают все «добропорядочные» сны. Наоборот — чем больше он сидел, тем отчётливее проступали детали, словно фотография в ванночке с проявителем. Школа. Перемена. Холл. Силовики в чёрном. Автоматы. Крот. Кинопроектор в его голове с бешеной скоростью пролистывал чёткие снимки, не оставляя никаких сомнений — произошло нечто странное.

— Ну сколько можно! — в дверях стояла мама. — Я кричу-кричу. Опять в наушниках, ничего не слышишь?

— Да, всё, встаю я, — Артём оторвал пятую точку от кровати.

Чушь, — подумал парень, посмотрев в зеркало, перед тем как взять зубную щётку. — Так не бывает. Это всё компьютерные игры. Нужно меньше сидеть за экраном и почаще выходить на улицу. Ещё пара ночей в «доте», и ты точно перестанешь отличать реальность от безумных фантазий.

Он прогнал эту мысль ещё несколько раз подряд.

Но до конца в неё так и не поверил.

— Я последний раз повторяю! — крикнула мать.

— Иду, — отозвался он машинально.

А сам всё тёр и тёр правый висок — тот, к которому во сне прижималось что-то холодное и твёрдое. Тёр, будто хотел стереть оттуда ощущение, которого там не могло быть.

Распинающуюся у доски Любовь Павловну Артём почти не слышал.

Он пришёл со звонком в класс, сел на своё место у окна, проигнорировал соседку по парте Светочку, которая ему что-то прошептала, машинально открыл тетрадь, а затем вывел число в углу страницы. И тут же замер, не в силах оторвать взор от написанного. Вторник, двадцать второе мая. То самое. Математичка что-то тараторила у доски, мел с противным скрипом вырисовывал непонятные формулы, кто-то сзади шуршал обёрткой под партой, — а до Артёма всё это доходило как сквозь толщу воды, глухо и не сразу.

Учительница вызвала Петрищева к доске. Одноклассник мямлил у доски доказательство заданной на дом теоремы. За окном проехала машина. Обычный урок, каких он прожил сотни, шёл себе своим чередом, никуда не торопясь, — и эта неторопливость давила хуже всякого

крика. Мир вокруг был спокоен и уверен в себе. Сомневался во всём происходящем только Артём и сомнения эти можно было развеять только одним способом.

Поднял руку, сказал, что плохо себя чувствует, не придумал ничего лучше. Голос вышел убедительный, потому что и играть-то особо не пришлось. Математичка взглянула на него и вправду серое лицо, поморщилась, а после махнула рукой: иди, мол, к медсестре, только не топочи.

В коридоре было пусто и гулко. Шла середина урока, вся школа сидела по классам, и звук собственных шагов казался Артёму чужим, слишком громким.

К медсестре он не пошёл.

Ноги понесли его в закрытое крыло сами, прежде чем он успел толком принять решение. Мимо запертых классов, из-за дверей которых доносились приглушённые голоса учителей, к дальней лестнице, вниз — туда, где школа становилась тише, темнее и будто враждебнее. Артём шёл необитаемым коридором, а под ногами хрустела отвалившаяся штукатурка, и звук этот в тишине казался оглушительным.

В конце холла стояла жёлтая дверь, изуродованная струпьями облупившейся краски

Он взялся за ручку. Помедлил. Потянул на себя. Несмазанные петли оказали сопротивление, но парень всё же одолел заливающуюся скрипом створку.

Он уже знал, что его ждёт внутри: тесная, пыльная каморка, со стеллажом вдоль стены и заколоченным окошком под потолком, цедающим серый свет. В дальнем углу по штукатурке расплзлось пятно сырости.

Артём встал на пороге и уставился на это пятно.

Он отчётливо помнил, как его пихнули в этот угол, а после он уже лежал в своей кровати. Желая окончательно поставить точку в сомнениях, парень перешагнул порог. Подошёл к углу. Сам не понимая зачем, поднял руку и потянулся к пятну, как вдруг дверь позади скрипнула.

— Погоди, не торопись.

Голос за спиной.

Тихий, ровный. Пугающий своим неожиданным радушием — так говорят не с врагом и не с жертвой, а с давним знакомым, которого ждали.

Артём отдернул руку и обернулся так резко, что качнулся.

В дверном проёме стоял Крот. Бледный, ссутуленный, с маленькими прищуренными глазами цвета чайной заварки; лицо мальчишеское и старое разом — возраст не складывался, сколько ни вглядывайся. Только теперь без пистолета: руки в карманах серой ветровки, плечо прислонено к косяку — вся поза говорила, что он хозяин положения. Ехидная улыбка не сползала с лица и говорила лучше слов: Артём был прав.

— Ты, — выдавил Артём. Горло не слушалось.

— А ты не такой уж и тупой, — Крот зашёл в каморку и уселся на перевёрнутое ведро.
— Я уж думал ты и не поймёшь до второго цикла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.